

ШТУРМ КЕНИГСБЕРГА

(А.Плотников)

50 лет прошло с тех пор, как войска Третьего Белорусского фронта штурмом овладели городом-крепостью Кенигсберг.

- Полоса наступления нашей 84-й гвардейской дивизии была определена по фронту 1200 метров. В первом эшелоне два стрелковых полка - 243-й и 245-й, а во втором - 247-й полк. Дивизии были приданы две сверхтяжелые артиллерийские батареи 305-мм и 280-мм орудий, вес снаряда первых - 465 кг, вторых - 220; дивизион 120-мм минометов, батальоны: 152-мм самоходных орудий и танковых. С учетом армейской, дивизионной и полковой артиллерии на 1 км фронта приходилось 250 стволов. Такая плотность была впервые за время войны.

На 5 апреля намечался штурм города. Однако туман, а затем проливной дождь не позволили подняться в небо нашей авиации, которой отводилась значительная роль в первый день штурма. Начало штурма было перенесено на утро 6 апреля. Ровно в 9 часов утра «бог войны» начал артиллерийскую подготовку. Полторы тысячи орудий и минометов, в том числе 769 орудий крупного калибра, в течение двух часов били по заранее намеченным целям.

В первые же минуты после огневого шквала город как бы исчез из поля зрения, погрузился в сплошное море дыма, пыли и пламени. В стереотрубу можно было разглядеть взлетающие в воздух куски бетона, металла, дерева. Казалось, что после всего этого в городе-крепости не останется ничего живого, только огонь будет пожирать дерево, которое не успело сгореть. Ведь такой же ураганный огонь бушевал в полосах штурма 39-й, 43-й и 50-й армий, начавших одновременно с нами артподготовку.

После артподготовки батальоны 243-го и 245-го полков овладели первой траншеей и устремились ко второй. Но уцелевшие огневые точки противника заставили залечь пехоту. Саперы не сумели сделать проходы в минных полях первой и второй линий обороны противника. Только с наступлением темноты батальонам при поддержке артиллеристов и самоходчиков удалось захватить бункеры на флангах форта и таким образом блокировать его. Был предъявлен ультиматум о капитуляции, на что последовал категорический отказ коменданта форта.

По приказу генерала Щербины для штурма были оставлены второй

батальон 243-го полка под командованием майора Романова и штурмовой отряд капитана Рейпалова, куда входили саперы, огнеметчики, батареи 76-мм орудий, взвод самоходок, автоматчики...

Началась подготовка к штурму. Были использованы как ранцевые, так и фугасные огнеметы. Их привязывали прямо к металлическому забору, чтобы бить по амбразурам. Были подготовлены морские дымовые пашки для задымления рва, а отделение саперов подтащило штурмовые лестницы и взрывчатку. Автоматчики по разрушенной артогнем кирпичной стене рва вплотную подошли к центральному зданию форта, стреляя из всех видов оружия по окнам и входам, забросали внутренний двор гранатами. Видя безвыходность положения, противник выбросил белый флаг, выслал парламентариев. 147 человек вместе с комендантом сдались в плен. Почти сутки шел бой за форт. Велики были и наши потери.

В середине дня 7 апреля, как только улучшилась погода, наша авиация дальнего действия произвела массированный налет. В течение 45 минут прошедшие над городом 516 бомбардировщиков сбросили около 4000 бомб. Густой высокий столб черного дыма и пыли поднялся над Кенигсбергом. Горели дома, взрывались склады с боеприпасами, рушились здания и кирхи. Однако противник продолжал сражаться с каким-то особым остервенением. Около семи часов вела дивизия бой за пивной завод, который гитлеровцы приспособили к обороне. Большую помощь пехоте оказали огнеметчики, они буквально выжигали немцев из бетонных нор.

8 апреля ночью наша дивизия начала переправу на плотках через Прегель и завязала бои за центр города. Каждый дом, каждую улицу приходилось брать ценой больших жертв, физического и нервного перенапряжения.

Утро 9 апреля выдалось по-весеннему теплым. Город был объят пламенем пожарниц, где-то шла стрельба, слышались взрывы снарядов и бомб, но наша дивизия завершила бои в городе. Мимо нас шли колонны пленных немецких солдат и офицеров. Крепость, считавшаяся неприступной, была взята за четверо суток. Но война еще не закончилась, нас ждали новые бои.

...После небольшого отдыха, пополнения наша армия готовилась к новому наступлению - к ликвидации немецкой армейской группы «Земланд», прикрывавшей военную базу Пиллау и косу Фрише-Нерунг на Балтике. Земландский полуостров имел в длину около пятнадцати и в ширину от двух до пяти километров.

На этом небольшом участке немцы создали шесть оборонительных рубежей с широкими противотанковыми рвами, густо напичканными минными полями, пересекающими полуостров от залива Фриш-Гаф до Балтийского моря. Морская база Пиллау была опоясана системой дотов, а в центре морская крепость. Коса Фрише-Нерунг также имела развитую в инженерном отношении оборону. На этом участке у немцев было до 70 тысяч солдат и офицеров, что позволяло создать плотную англопонируемую оборону. Противник располагал еще достаточным количеством техники, его поддерживали боевые корабли и самолеты, которые базировались на аэродроме на косе Фрише-Нерунг. Вот такую оборону приходилось «прогрызать» нашей армии. К тому же густой лесной массив и единственная бетонированная дорога затрудняли применение танковых частей. Фашисты оказывали сопротивление с отчаянием обреченных. Бесконечные контратаки при активной поддержке корабельной артиллерии курсирующих вдоль берега крейсеров и миноносцев, град тяжелых снарядов обрушивался на наши позиции. Мы несли потери. Все каменные здания были превращены в опорные пункты, которые не поддавались даже мощным снарядам. Это был Кенигсберг, только меньшего размера.

24 апреля 1945 года начался его штурм. Тяжелые бои развернулись за опорный пункт Нойхойзер, который прикрывал подступы к городу. Несмотря на отчаянное сопротивление, к утру он был взят нашей дивизией. Таким образом, по существу была открыта дорога к городу. К вечеру 25 апреля дивизия вышла в район железнодорожной станции и начала очищать городские кварталы от фашистов.

Оставалась центральная цитадель - крепость, построенная в начале XVIII века и позже модернизированная. Как и все форты и крепости того времени, ее окружал широкий ров трехметровой глубины, заполненный водой, с каменными отвесными стенами. Гарнизон крепости насчитывал более тысячи человек, это были в основном эсэсовские части с арсеналом различного оружия. Штурм крепости был поручен I-ой гвардейской московской дивизии генерала Толстикова. Наша 84-я дивизия готовилась к форсированию морского канала Зеетиф, ширина которого восемьсот метров.

В три часа утра 26 апреля приступил к переправе 3-й батальон 245-го стрелкового полка под командованием майора Крыжановского. Переправе предшествовали мощная артиллерийская подготовка и удары тяжелых бомбардировщиков по северной части косы. Посадка на

амфибии пехотинцев, саперов закончена. Амфибии в сопровождении катеров уходят на высокой скорости. Ждем очереди, наша артиллерийская группа должна форсировать канал со вторым батальоном этого же полка. Идут томительные минуты, бежит время, а амфибии не возвращаются. Наступает рассвет, нам приказано удалиться с пирса и укрыться в немецких блиндажах. Только позже мы узнали о трагедии первого десанта нашей дивизии. Они сбились с курса и высадку начали напротив форта. Естественно, еще до подхода к берегу были засечены немецкими наблюдателями. Им дали возможность ближе подойти к берегу и в упор стали расстреливать. Сопровождающие катера не смогли оказать помощь десантникам, так как сами оказались под огнем береговой артиллерии форта. Большинство амфибий получили повреждения, сели на прибрежный песок, многие десантники погибли, попали в плен. В плену оказался майор Крыжановский, он был контужен. Не повезло и нашему земляку из Чебоксар Николаю Михайлову. Его, тяжело раненного, вместе с другими направили в лагерь для русских военнопленных. Через сорок пять лет он приехал встретиться со своей молодостью, трагичной, но и счастливой, потому что он остался живой. 5 дней в плену по существу без медицинской помощи, нормального питания потребовали колоссального физического и нервного напряжения. Не случайно рано побелела голова у Николая. 30 апреля был освобожден лагерь, и его направили в госпиталь.

Только вечером 26 апреля началась переправа нашего батальона. Переправлялись мы на больших надувных резиновых лодках. Началась посадка, в каждую лодку по десять человек, вооружение легкое, ручные пулеметы, автоматы, запасы патронов, ящики с гранатами, противотанковые ружья, дымовые шашки. К каждому катеру прицеплено по пять лодок. Урча моторами, катера один за другим отчаливали от причалов и втягивались в колонну.

Все притихли. За низким присадистым бортом колыхалась тяжелая вода. Тревога не покидала нас. Сухопутные солдаты, провоевавшие не один год, робеют в этой таинственной морской стихии. Чуть заметный, условный сигнал: приготовиться к высадке. На косе идет бой, слышны разрывы тяжелых снарядов, гул самолетов, взрывы бомб. Легкий толчок, и надувная лодка уперлась в песочное дно. Быстро разбираем свое снаряжение, выскакиваем на берег. Кто-то второпях оступился и оказался в воде. Стоящий рядом командир батальона капитан Олехнович помог выбраться незадачливому солдату.

Пехотинцы, как только зацепились за клочок земли, стали осторожно подниматься на крутой откос. По гребню дюн проходила немецкая траншея. Разведчикам-пехотинцам удалось бесшумно снять дежурившие у пулеметов на открытых площадках посты. Пленные немцы потом рассказали, что не ждали нападения в полночь. Думали, что наступление будет со стороны пролива Зеетиф, поэтому расслабились, утратили бдительность и задремали. Несомненно, нашим союзником были внезапность и выбор места высадки. Да и немцы были уже не те, тяжелое поражение под Кенигсбергом, Пиллау морально надломило их. Они больше думали о бегстве с косы в Германию на баржах и кораблях, чем о сопротивлении. Поэтому захват траншей прошел довольно удачно.

Но перед батальоном стояла задача блокировать долговременные укрепления, которые прикрывали военно-морскую базу Пиллау с севера. Справа и слева в глубине песчаных холмов располагались бункеры, блиндажи, а поодаль - и доты. Была установлена радиосвязь с артдивизионом. Переданы на огневые позиции координаты местонахождения, чтобы исключить артобстрел и возможную бомбардировку занимаемых батальоном позиций.

Медленно наступал рассвет. Внимательно ведем наблюдение, перед глазами буквально в десятках шагов провалы бойниц, бетонные плиты, трубы вентиляции. По этим укреплениям ударила наша тяжелая артиллерия, в том числе и корабельная.

Снаряды наших 122-мм гаубиц для таких укреплений не страшны. Немцы поняли, корректировка огня ведется высадившимися десантниками, и предприняли первую контратаку. В течение пятнадцати минут по нашим траншеям был открыт интенсивный огонь минометов. Немцы не могли использовать тяжелую противокорабельную артиллерию из-за близости своих позиций от наших. Это в какой-то мере облегчало наше положение. По нашей просьбе была поставлена огневая стена в момент атаки немецкой пехоты, нам удалось ее отбить. Не обошлось без потерь и у нас. После двухчасового боя был взят дот, первые пленные. Теперь мы имели надежное укрытие. Впереди нас разыгрался бой. Как выяснилось, это 247-й полк нашей дивизии вместе с самоходными орудиями и артбатареями идет нам на помощь. Облегченно вздыхаем.

- 27 апреля 1945 года начала действовать переправа через канал Зеетиф. Переправу осуществляли моряки Балтийского флота. После переправы вместе с батальоном 152-мм самоходных орудий мы должны были поддержать 247-й стрелковый полк. Бои были упорные и жестокие.

Мы несли потери. Наконец подошли к форту, который был блокирован десантом. Действовали осторожно, каждый понимал, война на исходе, и рисковать, естественно никто не хотел. Около центрального входа с бронированными дверями встали в укрытие несколько самоходок под прикрытием танков и с близкого расстояния начали бить прямой наводкой. После нескольких выстрелов немцы выбросили белый флаг.

Группа пехотинцев с автоматами и ручными гранатами была готова к штурму. Открылась дверь, и немцы с поднятыми руками стали выходить из бункера и бросать оружие. Немецкие офицеры под руки вывели генерала, то ли раненого, то ли больного. Пленных было много. Мы обследовали подземное сооружение. Это настоящая крепость. Склады боеприпасов с механизированными подъемниками, автономное электроснабжение, кабельная и радиосвязь, вентиляция, водоснабжение, продовольственные склады. Жилые помещения для солдат и офицеров. Бронированный внутренний двор, где установлены дальнобойные береговые орудия, минометы, зенитные установки, другая военная техника. Двор сильно разрушен, видимо, от прямых попаданий не только снарядов, но и бомб.

После взятия форта мы получили приказ командира полка полковника Невского занять оборону и поставить орудия на прямую наводку. Предполагалось, что немецкие катера и баржи могут подойти за гарнизоном форта. Наша задача - не допустить этого. Ночью 28 апреля наши наблюдатели заметили подходящие к берегу какие-то суда и подали сигналы. Вместо ответного сигнала в нашу сторону ударила длинная очередь из крупнокалиберного пулемета. К счастью, никого не задело. В ответ ударили наши орудия, стоящие на прямой наводке. Это был последний артиллерийский выстрел. На этом наш артполк закончил свои боевые действия и стал на охране Балтийского побережья. Мы размещались в немецких казематах, когда 8 мая 1945 года ночью были подняты по тревоге. Схватив автоматы, выскочили наружу. Все небо освещалось осветительными ракетами, шла страшная стрельба. Вначале подумали, что где-то прорвались немцы, только потом услышали возгласы: «Братцы, война кончилась!», «Мир наступил!», «Остались живыми!». Ликование, радость со слезами на глазах. Да разве этот миг жизни можно когда-нибудь забыть?